

На правах рукописи

ПАНФИЛОВ Федор Михайлович

**«Научные представления в аллегорико-дидактической литературе на
новоевропейских языках XIII–первой половины XIV веков (на материале
«Книги источника всех наук» и «Романа о Розе»)»**

Специальность 07.00.03 – всеобщая история (средние века)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва - 2012

Работа выполнена на кафедре истории Средних веков и раннего Нового времени Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Воскобойников Олег Сергеевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, старший научный сотрудник Института Всеобщей истории РАН
Уваров Павел Юрьевич

кандидат философских наук, старший преподаватель, доцент Философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Шишков Александр Михайлович

Ведущая организация: **Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН**

Защита состоится «__» ноября 2012 года в __ часов на заседании Диссертационного совета Д 501.001.72 при Московском Государственном Университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, МГУ, Исторический факультет, аудитория А-416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27.

Автореферат разослан «__» ноября 2012 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Интеллектуальная культура Средневековья и ее значение для развития научных знаний в последующий период постоянно привлекают внимание медиевистов XX–начала XXI века, что сопровождается и значительным расширением круга издаваемых памятников средневековой мысли, в том числе и на русском языке. Пиама Гайденко отмечает, что средневековые богословы и ученые христианской Европы уже в XIII–XIV веках подготовили тот пересмотр принципов античной науки, который был осуществлен в Новое время¹. Ги Божуан назвал XIII век «вершиной Средневековья» и важнейшим периодом в развитии средневековой науки, той же точки зрения впоследствии придерживались и другие исследователи, например, Жак Ле Гофф².

Особое значение в этом контексте приобретают научные тексты на новоевропейских языках, чье появление в Средние века совпало с ростом интереса светских читателей к темам и вопросам, ранее преимущественно находившихся в области университетской культуры и латиноязычной традиции. Однако многие аллегорико-дидактические сочинения на народных языках, подобные «Роману о Розе» или «Книге источника всех наук», до сих пор фактически остаются за пределами области интересов историков науки. Например, они не рассматриваются в фундаментальном труде Линна Торндайка, при этом отмечавшего, что к концу XIII века в области познания природы и науки о звездах постепенно снижается роль интеллектуалов-представителей усилившихся в этом столетии монашеских орденов, им на смену приходят миряне, философы и астрологи³.

В то же время, широкое распространение аллегорико-дидактических текстов на новоевропейских языках, их высокая популярность у читателей

¹ Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум. М., 2003. С. 139-148.

² Beaujouan G. La science dans l'occident médiéval chrétien. / Histoire générale des sciences. T. 1. P., 1957. P. 518; Le Goff J. Pourquoi le XIII^e siècle a-t-il été plus particulièrement un siècle d'encyclopédisme? / L'enciclopedia medievale. Ed. M. Picone. Ravenna, 1994. P. 21.

³ Thorndike L. A history of magic and experimental science. Vol. II. P. 305–306.

позднего Средневековья и раннего Нового времени обуславливают необходимость привлечения этих источников при изучении истории науки и средневековой интеллектуальной культуры. Их анализ позволяет проследить один из важных путей ретрансляции научных представлений в Позднее Средневековье.

Одновременно тема исследования связана с важной проблемой социокультурной самоидентификации и роли средневекового интеллектуала в обществе его времени, которая продолжает изучаться как в зарубежной, так и в отечественной историографии⁴. Возросшее значение междисциплинарных трудов также свидетельствует об актуальности настоящего исследования, обращающегося к обширному кругу фигуративных источников и использующего инструментарий истории искусства и истории литературы.

Целью исследования является определить вклад аллегорико-дидактических текстов на народных языках в развитие и популяризацию научных представлений в эпоху позднего Средневековья. Для достижения этой цели необходимо разрешить ряд вопросов, составивших задачи исследования. Представляется необходимым проследить, каким образом образованные авторы обращались к новой аудитории светских читателей и в какой форме популяризовали для нее научные знания. Не менее важно оценить ответную реакцию аудитории, восприятие дидактических текстов читателями XIV–начала XVI веков.

Основными задачами данного исследования можно считать: характеристику научных представлений в аллегорико-дидактической литературе на новоевропейских языках (на примере «Романа о Розе» и «Книги источникa всех наук»); определение их связи с интеллектуальной культурой их времени и прослеживание реакции на них в позднейший период; анализ

⁴ Например: *Бессмертный Ю. Л.* Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991; *Гуревич А. Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников. *Exempla*, XIII в. М., 1989; *Он же.* Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005; *Уваров П. Ю.* История интеллектуалов и интеллектуального труда в средневековой Европе (спецкурс). М., 2000.

социокультурной самоидентификации средневекового интеллектуала в рассматриваемый период.

Объектом исследования стали такие выдающиеся сочинения рассматриваемого периода, как «Книга источника всех наук» и «Роман о Розе», которые ранее не анализировались системно в подобном ключе. Они принадлежат к числу созданных в XIII веке аллегорико-дидактических произведений, которые приобрели впечатляющую популярность уже в первой половине XIV века, затем сохраняя ее на протяжении столетий, и неоднократно перепечатывались в эпоху раннего Нового времени.

Предмет исследования. Научные представления в аллегорико-дидактической литературе на новоевропейских языках XIII–первой половины XIV веков, передаваемые посредством обращения образованных людей, *litterati*, к *ilitterati*, являются главным предметом настоящей работы. Анализируемые в диссертации тексты вышли из под пера *litterati*, но не просто ученых клириков, а тех, кого Ален де Либера во введении к «Средневековому мышлению» называет «интеллектуалами в нестрогом смысле», способствовавшими утверждению новой культуры, по существу своему не монашеской⁵. То есть тех, кто занимался адаптацией научных знаний своей эпохи для восприятия новой аудитории на новом, подверженном изменениям языке. Поэтому принципиальное значение имеет попытка понять, как мыслят эти авторы, каков их собственный интеллектуальный багаж и что они считают нужным донести до своей разнородной аудитории. Аллегорико-дидактические сочинения на народных языках интересны, прежде всего, значением и потенциалом начатой ими популяризации знания. Хотя литература на народных языках возникла гораздо раньше, XIII век во многом оказался переломным моментом в сосуществовании двух письменных традиций: сочинения на народных языках заимствовали и перерабатывали материал из латинского корпуса знания, завоевывая свою аудиторию, достаточно обширную для Средних веков. Ее представители, как правило, не имели университетского образования, но при

этом зачастую принадлежали к высшим слоям общества⁶. Речь идет об аудитории светских читателей, то есть, прежде всего, знати и городской верхушки, не знакомых с латынью.

Хронологические рамки исследования охватывают период XIII–первой половины XIV века, однако оно не ограничивается этими временными рамками. XIII век во многом стал переломным моментом в сосуществовании двух письменных традиций, латинской и связанной с новоевропейскими языками. Некоторые из созданных в XIII веке аллегорико-дидактических текстов приобрели впечатляющую популярность уже в первой половине XIV века, затем сохраняя ее на протяжении столетий, и неоднократно перепечатывались в эпоху раннего Нового времени. Также именно к XIV–XV векам относится расцвет их рукописной традиции, включающей значительное число иллюминированных рукописей. Это позволяет расширить хронологические границы вплоть до начала XVI века, чтобы проследить традицию на всем протяжении ее активного бытования.

Источниковая база исследования. Используемые в данном исследовании источники можно разделить на две основные группы: письменные и фигуративные. К первой относятся: 1) тексты «Романа о Розе» и «Книги источника всех наук», 2) ряд произведений, оказавших влияние на эти сочинения (античных писателей, авторов эпохи раннего средневековья, XII и XIII веков) 3) выполненные Жаном де Меном переводы с латыни на старофранцузский («Утешение Философией»), другие сочинения на новоевропейских языках XIII–XV веков (главным образом на среднефранцузском языке), в том числе произведения Данте Алигьери и Джоффри Чосера, переписка участников «Спора о Розе» и проповеди Жана Жерсона конца XIV–начала XV века. Вторую группу составляют миниатюры пяти манускриптов «Романа о Розе» различного времени (начала XIV–начала

⁵ Де Либера А. Средневековое мышление. М., 2004. С. 7–8.

⁶ De Voïard M. Réflexions sur l'encyclopédisme médiéval // Actes du Colloque de Caen, 12-16 janvier 1987. Sous la dir. de A. Vecq. P., 1991. P. 288.

XVI вв.), некоторых рукописей «Книги источника всех наук» и ряд других визуальных материалов, относящихся к тому же периоду.

Некоторые из созданных в XIII веке аллегорико-дидактических произведений приобрели впечатляющую популярность уже в первой половине XIV века, затем сохраняя ее на протяжении столетий, и неоднократно перепечатывались в эпоху раннего Нового времени. Именно такие сочинения стали основой настоящего исследования, в первую очередь опирающегося на анализ двух текстов, отобранных из широкого круга аллегорико-дидактических произведений. Это «Книга источника всех наук» («Книга Сидрака», «Источник всех наук», «Сидрак-философ»), анонимная диалогизированная энциклопедия, написанная после 1268 года, и «Роман о Розе» — аллегорико-дидактическое стихотворное произведение, последовательно создававшееся в течение всего XIII века двумя авторами, Гийомом де Лоррисом и Жаном де Меном. Репрезентативность этих текстов как образцов аллегорико-дидактической литературы определяется прежде всего по такому критерию, как их признание читателями.

В обоих случаях присутствует внушительная рукописная традиция (в том числе иллюминированные рукописи), большое количество переводов на другие народные языки и печатных переизданий, а также крайне любопытная критика рассматриваемых сочинений в XIV–XV веках. По этой причине не менее интересные, но гораздо менее популярные в позднее Средневековье сочинения, подобные диалогу «Пласид и Тимео», в настоящем исследовании рассматриваются в качестве источников второго ряда. И «Книга источника всех наук», и «Роман о Розе» написаны на старофранцузском языке. Обращение, в первую очередь, к старофранцузским текстам сопряжено не только со значительным развитием аллегорико-дидактической традиции именно на франкофонной почве, но и с культурными и политическими связями Франции этого периода.

Чтобы анализ двух, пусть даже и весьма выдающихся, источников позволил выявить некие общие черты аллегорико-дидактической литературы этого времени, необходимо сопоставление их с широким кругом источников второго плана. В данном исследовании он включает как аллегорико-

дидактические труды XIII века, так и современную им и более раннюю литературу на латыни, а также большое количество произведений на среднефранцузском языке XIV–XV веков. Это не только дидактические сочинения, но и научные трактаты, поэмы, жития, письма и проповеди.

Степень научной разработки проблемы. При общей многочисленности исследований по истории средневековой науки, тема научных представлений в таких выдающихся аллегорико-дидактических сочинениях XIII–XIV веков, как «Роман о Розе» и «Книга источника всех наук», не изучена в достаточной мере. Как правило, связанные с этой темой сюжеты рассматриваются только в отдельных главах монографий или статьях, полноценных работ, посвященных ей, не существует до сих пор.

За два последних столетия можно насчитать более 50 статей и монографий, посвященных «Книге источника всех наук» или содержащих достаточно подробное упоминание этого сочинения. Подавляющее большинство существующих научных работ принадлежат перу историков литературы или лингвистов, многие посвящены переводным версиям «Книги источника всех наук», другие носят сугубо ознакомительный характер. Возрождение интереса к исходному старофранцузскому варианту произошло сравнительно недавно, в конце XX века. Важным событием для истории изучения «Книги источника всех наук» стало полное критическое издание пространной версии старофранцузского текста в 2000 году, которое впервые ввело этот источник в широкий научный оборот⁷. Тем не менее, за последнее десятилетие появилась лишь одна монография, в которой значительное место отводилось «Книге источника всех наук» — посвященная средневековым пророчествам работа Р. Тракслера⁸. Учитывая специфику выбранной автором темы, в содержании «Книги Сидрака» его интересовали мистические и апокалиптические идеи и рассматриваемые в этой связи астрология и

⁷ Sydrac le philosophe: Le livre de la fontaine de toutes sciences, Edition des enzyklopädischen Lehrdialogs aus dem XIII Jahrhundert. Hr. E. Ruhe. Wiesbaden, 2000 (Wissensliteratur im Mittelalter, 34).

⁸ Trachsler R. (dir.) avec la collaboration de Abed J. et Expert D. Moultes obscures paroles: Études sur la prophétie médiévale. Paris (Université Paris-Sorbonne (Paris IV), 2007.

представление о ее влиянии на судьбы мира и человека. Ранее эсхатологии, астрологии и отчасти астрономии в «Книге источника всех наук» уделялось внимание в статьях Д. Руэ, позднее подготовившей упомянутое выше критическое издание энциклопедии⁹. В начале XX века известный историк-позитивист Ш.-В. Ланглуа провел достаточно подробный анализ «Книги источника всех наук» в «Знании о природе и мире в Средние века по французским сочинениям для мирян»¹⁰. Исследователи вновь обратились к теме научных представлений в «Книге Сидрака» во второй половине XX века, рассматривая отдельные ее аспекты. Кроме упомянутых работ Д. Руэ и Р. Тракслера и нескольких статей, относящихся к переводным версиям «Книги источника всех наук», можно назвать посвященные выделенному из текста энциклопедии лапидарию статьи В. Холлера и Ф. Фери-Ю, работы Ж. Дюко по метеорологии, ряд статей и опубликованных докладов Ш. Конноши-Бурнь о космологических представлениях, метеорологии и отражении теории элементов в средневековых энциклопедиях¹¹. Таким образом, в этой области уже намечены

⁹ *Ruhe D.* Eschatologie und Astrologie. Zeitkonzeptionen im Livre de Sidrac // *Zeitkonzeptionen. Zeiterfahrung. Zeitmessung. Stationen ihres Wandels vom Mittelalter bis zur Moderne.* Hr. *T. Ehlert.* Paderborn, 1997. P. 203-222; *Idem.* La Roe D'Astronomie. Le Livre de Sidrac et les encyclopédies françaises du Moyen Âge // *L'enciclopedismo medievale.* P. 293-310; *Idem.* L'ymage du monde qui commence a Dieu et a Dieu prent fin. Zur Rolle der Theologie in französischen Enzyklopädien des späten Mittelalters // *Geistliche Aspekte mittelalterlicher Naturlehre, Symposium 30 November-2 Dezember 1990.* Wiesbaden, 1993. P. 69-85.

¹⁰ *Langlois Ch.-V.* La connaissance de la nature et du monde au Moyen Age d'après les écrits français à l'usage des laïcs. P., 1911.

¹¹ *Connochie-Bourgne Ch.* Images de la terre dans les livres de clergie du XIII^e siècle: Image du monde, Livre du Tresor, Livre de Sydrach, Placides et Timeo // *Perspectives médiévales. Supplément au t. 24,* 1998. P. 67-79; *Idem.* Le temps qu'il fait... expliqué par les premières encyclopédies en langue française (XIII^e siècle) // *Le temps qu'il fait au Moyen Âge. Phénomènes atmosphériques dans la littérature, la pensée scientifique et religieuse.* Ed. *J. Ducos, Cl. Thomasset.* P., 1998. P. 31-44; *Ducos J.* Le clerc et les météores: constitution et évolution d'une culture encyclopédique // *Le clerc au Moyen Âge.* T. 37, 1995. P. 151-164; *Ducos J.* La météorologie en français au Moyen Âge (XIII^e-XIV^e siècles). P., 1998; *Féry-Hue F.* Sidrac et les pierres précieuses // *Revue d'histoire des textes.* T. 28, 1998. P. 93-181; *Féry-Hue F.* Sidrac et les pierres précieuses: complément // *Revue d'histoire des textes.* T. 30, 2000. P. 315-321; *Holler W.M.* The Lapidary of Sidrac: New Evidence on the Origin of the Lapidaire chrétien // *Manuscripta.* T. 30, 1986. P. 181-190; *Steiner S.M.* Les quatre éléments dans Le Livre de Sidrac (Ms. B.N. fr. 1160) // *Perspectives médiévales.* T. 16, 1990. P. 89-102. См. тж. публикации докладов Ш. Конноши-Бурнь: *Connochie-Bourgne Ch.* Comment li element sont assis: l'image de l'œuf cosmique dans quelques encyclopédies en langue vulgaire du XIII^e siècle // *Les quatre éléments dans la culture médiévale. Actes du Colloque des 25, 26 et 27 mars 1982 de l'Université de Picardie,* Ed. *D. Buschinger, A. Crépin.* Amiens, 1983. P. 37-48; *Idem.* Le corps et l'âme de l'eau dans les «livres de clergie» du XIII^e siècle // *Sources et fontaines du Moyen Âge à l'Âge baroque. Actes du Colloque tenu à l'Université Paul-Valéry, les 28, 29 et 30 novembre 1996.* P., 1998. P. 97-127.

некоторые исследовательские вехи. Однако значительная доля предоставляемого «Книгой источника всех наук» материала по средневековому восприятию мира и научным представлениям по-прежнему находится вне поля исследований современной медиевистики. К примеру, в посвященной астрологии и астрономии в «Книге Сидрака» статье Д. Руэ говорится не столько о тексте собственно анонимной энциклопедии, сколько о связанных с этой темой общих сюжетах¹².

Число исследований, посвященных «Роману о Розе», еще более велико, чем в случае «Книги Сидрака». При этом некоторые работы просто содержат общие сведения относительно содержания, темы, истории написания романа, и полезны лишь для первоначального ознакомления с источником¹³. Человеком, создавшим основу для всех современных исследований «Романа о Розе», несомненно, был Эрнест Ланглуа. Ему принадлежит авторство двух источниковедческих работ: «Происхождение и источники «Романа о Розе» и «Рукописи «Романа о Розе. Описание и классификация»¹⁴. В первом труде Ланглуа дает достаточно полное представление об источниках «Романа о Розе», второй содержит обзор и краткую характеристику известных Ланглуа манускриптов «Романа о Розе», разделенных на группы по содержанию¹⁵. Несмотря на то, что за прошедший век оба исследования несколько устарели, никому пока не удалось проделать работу такого же масштаба.

Жан де Мен в интерпретации Ланглуа превращается в яростного противника знати и монашества, тогда как Гийом де Лоррис предстает воплощением аристократии с ее куртуазными идеалами. Восприятие Жана де

¹² *Ruhe D.* La Roe D'Astronomie. Le Livre de Sidrac et les encyclopédies françaises du Moyen Âge / L'enciclopedia medievale. P. 293-310.

¹³ Напр.: *Strubel A.* Le Roman de la Rose. P., 1984.

¹⁴ *Langlois E.* Origines et sources du Roman de la Rose. P., 1891; *Idem.* Les manuscrits du Roman de la Rose. Description et classement. Lille-Paris, 1910.

¹⁵ Ланглуа придерживался мнения, что первая часть романа, написанная Гийомом де Лоррис, имела свою рукописную традицию, так же как и вторая часть, созданная спустя сорок лет Жаном де Меном. В конце XIII и начале XIV веков вторая часть, по мнению Ланглуа, присоединялась к копии первой части. Тем не менее, известен лишь один манускрипт (Paris, BNF, Ms. fr. 12786), содержащий только часть Гийома де Лорриса. В то же время, только один манускрипт (Paris, BNF, Ms. fr. 1573) позволяет говорить об очевидном наличии двух частей, написанных разными авторами. Феликс Лекуа выступил против концепции Ланглуа, однако сам не смог разрешить проблемы, связанные уже с его идеей общей рукописной традиции текстов еще в ранний период.

Мена как борца против «старого», исповедующего новые идеи, получило развитие у других исследователей, оценивавших его как с отрицательной, так и с положительной точки зрения. Так, Эдмон Фараль, анализируя «Роман о Розе», сделал Жана де Мена служителем своеобразного культа Природы, призывающим людей к служению ей¹⁶.

Эрнст Курциус в своем труде по средневековой европейской литературе однозначно критикует Жана де Мена и созданный им образ Природы¹⁷. Он полагает, что последний связан с испытывавшими влияние аверроизма учениями XIII века. Близкой точки зрения придерживается Жерар Парэ, считая Природу аморальной в ее стремлении к воспроизводству и отрицании целомудрия. Подобное изменение учения Природы по сравнению с позицией Природы в произведениях Алана Лилльского, опять же объясняется Парэ воздействием аверроизма¹⁸. Алан Ганн, в противовес осуждению Жана де Мена и второй части «Романа о Розе», считает, что Природа выражает мнение самого автора поэмы, Жана де Мена, хотя ставит под сомнение связь содержащихся в романе представлений с аверроизмом, видя их истоки в платонической идее платонической идее «*plenitudo*», «*pleroma*», полноты бытия, плодородия и цепи воспроизводства, воспринятой через труды Алана Лилльского и Бернарда Сильвестра¹⁹.

Во второй половине XX века возник иной подход к пониманию «Романа о Розе». Это произошло в Принстонском университете, издательство которого в 60-е годы опубликовало целый ряд близких по духу и общей концепции научных работ. Первой из них была книга Д. В. Робертсона «Пролог к Чосеру»²⁰. Позицию Жана де Мена, по Робертсону, излагает Разум, тогда как все происходящее в романе показывает, что происходит с человеком, пренебрегающим велениями Разума²¹. Идеи Робертсона были развиты Розамунд

¹⁶ Faral E. Le Roman de la Rose et la pensée française au XIIIe siècle // Revue de deux mondes, XXXV (1926). P. 443.

¹⁷ Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, 1948. S. 135.

¹⁸ Paré G. Les idées et les lettres au XIIIe siècle. Le Roman de la Rose. Montréal, 1947. P. 283-285, 322-325.

¹⁹ Gunn A. The Mirror of Love: A Reinterpretation of Romance of the Rose. Texas, 1952. P. 141-198, 396-405, 435-436, 498-505.

²⁰ Robertson D. A Preface to Chaucer. Princeton, 1962.

²¹ Robertson D. A Preface to Chaucer. P. 199-202.

Тьюв и Джоном Флемингом²². Джон Флеминг одним из первых использовал иллюстрированные рукописи как источник при изучении «Романа о Розе» — в предшествующий период из исследований, посвященных миниатюрам «Романа о Розе», можно отметить только работу историка искусства Альфреда Куна, написанную на полвека раньше²³.

В конце прошлого века исследователи, продолжая искать новые подходы к изучению «Романа о Розе», стали уделять значительное внимание теме распространения «Романа о Розе» и его восприятия в Средние века. Пьер-Ив Бадель изучает судьбу «Романа о Розе» в XIV–начале XV века, показывая, что «Роман о Розе» пользовался популярностью во всех светских кругах²⁴. Сильвия Хьюот дополняет исследование Баделя, посвятив монографию «Роман о Розе и его средневековые читатели» анализу рукописной традиции, тексту поэмы и его вариантам, маргинальным вставкам, позднейшим переложениям «Романа» Ги де Мори и Гийома де Машо²⁵. В то же время некоторые исследователи продолжают полемику в русле традиционных проблем. Так, Пер Никрог защищает точку зрения Ганна²⁶.

Отечественных исследований, посвященных «Роману о Розе», относительно немного, если учесть значение этого произведения для истории культуры. Помимо упоминаний и кратких описаний в пособиях по истории европейской литературы²⁷, следует упомянуть ряд специальных статей²⁸. И. Ф.

²² Tuve R. *Allegorical Imagery: Some mediaeval books and their posterity*. Princeton, 1966; Fleming J. V. *The Roman de la Rose. A study in allegory and iconography*. Princeton, 1969.

²³ Kuhn A. *Die Illustration des Rosenromans // Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen des Allerhöchsten Kaiserhauses XXXI, Heft 1, 1913-1914. S. 1-66.*

²⁴ Badel P-Y. *Le Roman de la Rose au XIVe siècle. Etude de la réception de l'œuvre*. Genève, 1980.

²⁵ Huot S. *The Romance of the Rose and its medieval readers: interpretation, reception, manuscript transmission*. Cambridge, 1993.

²⁶ Nykrog P. *Obscene or not obscene: Lady Reason, Jean de Meun, and the fisherman from Pont-sur-Seine // Obscenity: Social Control and Artistic Creation in the European Middle Ages*. Ed. Jan Ziolkowski. Brill, 1998. P. 319-331.

²⁷ Смирнов А. А. *Городская литература с конца XII в. до Столетней войны / История французской литературы*. Т. 1. М.-Л. 1946. С. 150-154; Самарин Р. М., Михайлов А. Д. *"Животный" эпос и дидактико-аллегорическая поэма / История всемирной литературы*. Т. 2. М. 1984. С. 580-583.

²⁸ Попова М. К. *«Идеи схоластической натурфилософии шартрской школы и образ природы в «Романе о Розе» // Средние века, № 51(1988). С. 115-132; Рязанова И. Ф. Мораль и политика в «Романе о Розе» // Жанр романа в классической и современной литературе*. Махачкала, 1983. С. 91-99; Она же. *«Роман о Розе» как отражение религиозной борьбы в Парижском университете в 70-е гг. XIII в. // Актуальные проблемы критики религии и формирования*

Рязанова считает взгляды Жана де Мена новаторскими и сформировавшимися, главным образом, под влиянием аверроизма, а статья М. К. Поповой «Идеи схоластической натурфилософии шартрской школы и образ природы в «Романе о Розе» фактически посвящена сопоставлению образа природы у Бернарда Сильвестра и у Алана Лилльского, как представителей шартрской неоплатонической школы XII века, тогда как анализу «Романа о Розе» уделено очень мало места.

Таким образом, в историографии существуют различные оценки «Романа о Розе» и «Книги Сидрака», при этом собственно тема научных представлений в этих аллегорико-дидактических сочинениях не изучена в достаточной мере. Как правило, связанные с этой темой сюжеты рассматриваются только в отдельных главах монографий или статьях, полноценных работ, посвященных ей, не существует до сих пор, что создает все необходимые предпосылки для ее дальнейшего изучения.

Научная новизна исследования. В диссертации впервые предпринята попытка проанализировать в контексте развития науки и знаний о мире в позднее Средневековье всю совокупность научных сведений и представлений, отраженных в тексте и иллюстративной традиции таких важных памятников аллегорико-дидактической литературы на новоевропейских языках XIII века, как «Роман о Розе» и «Книга источника всех наук». «Научные представления» в названии настоящей работы включают в себя и представление о науке, и «представление науки» средневековым читателям в аллегорико-дидактических сочинениях. Насколько употребляемый Жаком Ле Гоффом термин «интеллектуал» анахроничен, но все же применим для медиевиста, как показал де Либера — настолько и понятия «научные представления», «наука», «научное знание» условны, но употребимы в контексте данного исследования, поскольку у них также есть своя «средневековая обоснованность». История науки традиционно отправляет средневековые дидактические сочинения на далекую

атеистического мировоззрения. Махачкала, 1982. С. 56-66; Полякова С. В. К вопросу о византино-французских литературных связях («Повесть об Исмине и Исминии» Евмахия

периферию развития научной литературы и научного мышления, утверждая, что аллегорико-дидактическая поэзия «не имеет никакого значения для развития науки и научного способа мышления и выражения»²⁹. Но это верно с позиций сложившихся в прошлом веке концепций развития науки. Впрочем, и уже ставшая классической теория научных революций Томаса Куна говорит о значении «сдвигов восприятия», сопутствующих изменениям парадигмы³⁰. Аллегорико-дидактические сочинения на новоевропейских языках как раз отражают постепенное изменение взгляда на мир и новизна данной диссертации заключается в стремлении определить их вклад в развитие и распространение научных представлений в Средние века.

Собственно средневековая наука рассматривается в данной диссертации как особый социокультурный пласт, интегрирующий и по-своему переосмысляющий в христианской системе мироздания интеллектуальное наследие поздней античности, измененное и обогащенное научной мыслью исламского мира. При таком подходе термин «средневековая наука» служит условным обозначением всего сложного комплекса знания о мире и о Боге, включающего выделяемые в средневековых классификациях «науки» и «искусства»: от алхимии и астрологии до физиогномики и военного дела, понимаемого как «искусство рыцарства». Используемый подход также позволяет не применять критериев «протонаучности» (по аналогии с научными знаниями Древнего Востока) или «паранаучности» (в случае алхимии и астрологии). Принимая во внимание богословские коннотации и особенности схоластического знания, научные представления в аллегорико-дидактических текстах все же можно относить к области «особых светских культур»³¹.

Анализируемые тексты ранее не изучались полностью в подобном ключе, некоторые из них (как «Книга источника всех наук») впервые вводятся в оборот

Макремволиста и «Роман о Розе» Гийома де Лоррис) // Византийский Временник, 1976. Т. 37. С. 114-122.

²⁹ *Ольшки Л.* История научной литературы на новых языках. Литература техники и прикладных наук от Средних веков до эпохи Возрождения. Т.1. Сретенск, 2000. С. 10.

³⁰ *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2003. С. 154–178.

³¹ О них, например, говорит Эксле как о «противопоставлявших себя доминирующей (но ни в коем случае не единственной) средневековой церковной культуре и пропагандируемой ею форме общества, одновременно являясь его частью». *Эксле О. Г.* Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. С. 310.

в отечественной науке. Также в диссертации подробно рассматриваются иллюстративные циклы шести значимых рукописей рассматриваемых источников.

Методологическая база исследования. Наряду с историко-филологическим анализом текстов, полноценное историческое исследование аллегорико-дидактического произведения на народном языке XIII–первой половине XIV века и его позднейшей рецепции возможно лишь при использовании инструментария как истории литературы, так и истории искусства. Это определяет междисциплинарный характер диссертации. Хотя объем исследования и масштаб поставленных задач не позволяют целиком рассматривать отдельно взятые иллюминированные рукописи, значительное место отводится именно иллюстративному материалу.

Анализ дидактических сочинений, реинтерпетирующих научное знание в новой форме, обусловленной созданием литературы на народном языке, также в определенной степени подразумевает обращение к семиотике и, в ее рамках — к прагматике, поскольку речь идет как раз об интерпертации знаков, символов и понятий, усвоении и восприятии их интерпретатором.

Практическая значимость исследования. Материал диссертации, как междисциплинарного исследования, имеет практическую значимость для медиевистов различного профиля — историков, специалистов по истории литературы и искусства, а также философов и религиоведов. Он может использоваться как при дальнейшем изучении развития и распространения научных представлений в позднее Средневековье и раннее Новое время, так и в образовательном процессе, в том числе при чтении специальных курсов по истории средневековой науки.

Апробация исследования. Ряд основных положений был изложен в выступлениях диссертанта на конференциях и круглых столах: «Рождение классики: самосознание гуманитарных наук до начала Нового времени» (ГУ-ВШЭ, 2008), «Сакральное и обценное в тексте и миниатюрах "Романа о Розе"»

(семинар группы истории ментальностей ИВИ РАН, 2008), «Природа в истории культуры: от древности к новому времени» (МГУ, 2010). Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры Средних веков и раннего Нового времени исторического факультета МГУ им. М.В Ломоносова.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура и содержание диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Во **Введении** обосновываются выбор темы, актуальность и хронологические рамки исследования, формулируются его цели, задачи и объект, дается характеристика источниковой базы, методологических подходов, а также анализируется историографический контекст исследования.

Первая глава охватывает широкий круг проблем, связанных с личностью средневекового интеллектуала — автора аллегорико-дидактического сочинения. В первую очередь, речь идет об осознании им своего места в обществе рассматриваемого периода и оценке собственного труда как способа передачи знания новой читательской аудитории. Также анализируется представление средневекового интеллектуала о знании и восприятие им власти в различных ее формах — от власти королей и крупных феодалов до представлений о влиянии различных сверхъестественных сил на различные аспекты существования образованного человека и его окружения. Эти силы представляются в типичной для своего времени форме аллегорических персонификаций Природы, Смерти, Фортуны.

Первый параграф первой главы показывает специфику социокультурной самоидентификации средневекового интеллектуала. В **первом разделе первого параграфа первой главы** рассматриваются особенности развития аллегорико-дидактической литературы на новоевропейских языках в XIII веке и сложности перевода латинского корпуса научных знаний. Как показывает анализ текстов сочинений этого времени, средневековые интеллектуалы все чаще перестают представлять себя анонимами, обретают собственное лицо в диалоге с аудиторией и подчеркивают собственные заслуги

как переводчика и толкователя. Сам перевод воспринимается не как технический и механистический процесс, а в качестве переосмысления и тонкой адаптации знаний и научных представлений, излагаемых на новом языке.

Второй раздел первого параграфа первой главы посвящен социально-политической самоидентификации ученого. При сопоставлении социально-политических взглядов интеллектуалов второй половины XIII–начала XIV века обнаруживается, что они могли сильно варьироваться (от поддерживающего короля и критикующего нищенствующие ордена магистра Жан де Мена до «клирика Жан-Пьера из Лиона» с его гибеллинскими симпатиями и сторонника папы Римского, нотариуса Брунетто Латини). При этом большинство авторов дидактических сочинений на народных языках (исключая переводившиеся впоследствии на новоевропейские языки латинские произведения) не являются монахами и членами нищенствующих орденов, их социальная роль, как правило, скорее секулярна. Это отражает общую тенденцию к секуляризации, которая проявляется в аллегорико-дидактической традиции на новоевропейских языках.

В третьем разделе первого параграфа первой главы самоидентификация средневекового интеллектуала показана как аспект важной этической проблемы достоинства и ничтожества человека. Продолжая предшествующую латинскую традицию и реагируя на современные им взгляды, авторы сочинений на новоевропейских языках XIII–начала XIV века подчеркивают высокий статус знания и ставят знатность духа выше знатности рождения, таким образом, отводя образованному и благородному человеку особое место в обществе. В то же время, научное знание о мире хотя бы формально подчинено задаче его религиозного постижения и не гарантирует признания со стороны других людей.

Второй параграф первой главы подробнее излагает аспекты взаимоотношений между средневековым интеллектуалом и носителем власти, останавливаясь на архетипе познавательного диалога между королем и мудрецом и интересе к научным представлениям со стороны правителей. В нем также характеризуются важные для рассматриваемого периода представления о

движущих силах мира, наделенных властью над человеком, его физическим и духовным существованием. Различные формы власти рассматриваются в связи с темой знания, чтобы показать, как в представлении средневекового автора знание может быть бессильным против сверхъестественного или, напротив, способно помочь человеку выстроить свой жизненный путь.

Первый раздел второго параграфа первой главы соотносит построение анонимной энциклопедии XIII века на старофранцузском языке «Книга источника всех наук» с архетипом диалога государя и мудреца, ярко выраженным в латинском сочинении «Тайная Тайных». Тему дидактического произведения как поучения для правителя продолжает **второй раздел второго параграфа первой главы**, демонстрирующий, что носители светской власти выступали в роли прямых адресатов дидактических текстов. Это также повышало статус сочинений на новоевропейских языках, позволяя любому средневековому читателю ставить себя на один уровень с правителем. В **третьем параграфе первой главы** речь идет об особом роде знания — «искусстве рыцарского служения». Создавая образ идеального государя, «Книга источника всех наук» уделяет много внимания тем познаниям в военном деле, которыми должен обладать правитель. **Четвертый, пятый, шестой и седьмой параграфы первой главы** посвящены небесной иерархии, аллегорическим образам Природы как наместницы Бога на земле, власти Смерти и Фортуны. Продолжая и развивая традиции XII века, авторы сочинений на новоевропейских языках проявляют интерес к этим образам, которые находят отражение в иллюстративной традиции рукописей XIV–начала XVI века, подчеркивающей те или иные их аспекты — царственную сущность Природы, интерпретацию Бога как «Зеркала» всего сущего и «вселенского императора», всевластие Смерти над бренной частью человека, изменчивость и непредсказуемость Фортуны.

Во **второй главе** главными темами становятся медицина, гигиена и представления о человеческом теле. **Первый параграф второй главы** посвящен граням эстетического восприятия тела в средневековой культуре, которые неизбежно влияли на изучение строения и функционирования человеческого тела, — от его отрицания до восхваления как дивного творения

Создателя. **Второй параграф второй главы** показывает на примере «науки» о врожденных признаках, физиогномики, что автор «Книги источника всех наук» пытается сохранить за передаваемым знанием тот высокий статус, который придавался ему в оригинальных источниках. «Книга источника всех наук» не содержит термина «физиогномика», однако необходимое королям учение о признаках, определяющих природу человека, очевидно является кратким вариантом этой античной теории, принятой средневековыми учеными. Создаваемый в «Книге источника всех наук» образ идеального человека соответствует важнейшему для эстетики XIII века принципу соразмерности пропорций. Практическое значение изложенных в энциклопедии сведений подчеркивают обширные списки рецептов и лечебных трав, описания болезней и способов лечения — не слишком умелые, но все же малые копии настоящих медицинских трактатов и травников, рассмотренные в **третьем параграфе второй главы**. Большое количество вопросов посвящено темам *cura corporis* — гигиене, диетологии и режиму сна, анализируемым в **четвертом параграфе**.

Пятый, шестой и седьмой параграфы второй главы охватывают большой пласт тем, связанных с проблемой воспроизводства, беременности и продолжения рода, которой уделяется много места в изучаемых текстах. Проблематика тела в «Книге источника всех наук» практически всегда связана с балансом духовного и телесного. Зачастую две эти стороны не вступают в противоречие или даже демонстрируют полное взаимопроникновение (душа, обитающая в крови и поддерживающая жизнь в теле, но вынужденная покинуть тело, когда то утрачивает всю кровь). Но иногда, как в вопросах сексуальной тематики, это зыбкое равновесие переходит в очевидный конфликт: если для тела мужчины якобы полезно возлежать с женщинами разного темперамента в разные времена года, то для души полезно хранить верность законной супруге. В таких случаях анонимный автор не делает никаких выводов, предоставляя читателям самостоятельно расставлять акценты и делать выбор. «Роман о Розе», не содержащий сугубо медицинских сведений, позволяет глубже рассмотреть проблему этического и эстетического восприятия человеческого тела, наготы и сексуальной жизни. Анализ реакции на текст и иллюстративной традиции рукописей в XIV–XV веках в **шестом параграфе второй главы** позволяют

сделать вывод, что многие этические противоречия и «непристойности» не казались таковыми в XIII–первой половине XIV века, но приобрели негативный характер в позднейший период в связи с кардинальным изменением во вкусах образованной элиты и в религиозной морали. Как показывает **седьмой параграф второй главы**, хотя автор «Книги источника всех наук» не предлагает некой связной концепции астрологической медицины, это не мешает ему признавать влияние небесных тел на рождение человека, хотя и с определенными нюансами.

Третья глава посвящена тем научным представлениям в аллегорико-дидактической литературе, которые так или иначе связаны с идеей постижения тайн мироздания и управления им. Поскольку ключом к постижению сокрытого в рассматриваемый период считалась астрология, то прежде всего речь идет об астрологических и астрономических представлениях, их статусе и репрезентативности в аллегорико-дидактических сочинениях. Эти проблемы рассматриваются в **первом параграфе третьей главы**. Его **первый раздел** показывает, что, в соответствии с аристотелевско-птолемеевской геоцентрической системой, Жан де Мен описывает «Романе о Розе» вращение восьмого неба по «великому кругу Зодиака» и планет — по эпициклам. Подробно рассматривается вопрос о лунных пятнах, связанный с теорией Аверроэса о различной плотности луны. Несмотря на присутствие в романе ряда астрологических сюжетов; но Жан де Мен не упоминает астрологию и не говорит о ней как науке. Как демонстрируется во **втором разделе первого параграфа**, «Книга источника всех наук», напротив, придает астрологии колоссальное значение. Если в «Романе о Розе» астрологические сюжеты играют второстепенную роль, то наличие натальных гороскопов для всех сочетаний знаков Зодиака и планет, подробные описания небесных тел, планет и знаков, инструкции по составлению гороскопов и гаданию явно в значительной степени обусловили дальнейшую популярность «Книги Сидрака» среди средневековых читателей. Однако определенная «всеядность» автора анонимной энциклопедии приводит к смешению астрологии с запрещенными магическими практиками, о которых подробнее говорится в **четвертом параграфе** не как о научном или квазинаучном явлении, но как о

сопутствующем ему феномене. В «Романе о Розе» магия и народные поверья подвергаются осуждению и воспринимаются как проявление невежества. При этом Жан де Мен придерживается характерного для его времени представления о том, что науки открыты лишь узкому кругу избранных. В «Книге источника всех наук» схожее представление несколько нивелируется самим фактом подробного или краткого изложения подобных знаний для всех читателей.

Во **втором параграфе третьей главы** анализируется роль алхимии, которая в «Романе о Розе» обещает человеку равные возможности с Природой. Жан де Мен в «Романе о Розе» придерживается аристотелевской теории элементов. В рассуждении об алхимии он показывает себя сторонником ртутно-серной теории и преобразования металлов. Но, главное, алхимия становится в «Романе о Розе» единственной наукой, способной сравниться с созидательной силой природы. Таким образом, Жан отстаивает высокий статус этой науки, что принесло ему в последующие столетия славу алхимика и автора ряда алхимических сочинений. **Третий параграф** посвящен оптике как науке, позволяющей постигать механизм и тонкости визуального восприятия. При рассмотрении вопросов оптики, названной им «учением о зрении», автор «Романа о Розе» обращается к авторитету Аристотеля и арабского ученого Альхазена.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и определяется значение рассматриваемого периода с точки зрения развития научных представлений и специфики их интерпретации в аллегорико-дидактических текстах на новых языках.

Приложение представляет собой подборку миниатюр из рукописей «Романа о Розе», «Книги источника всех наук» и ряда других дидактических текстов. Главное внимание уделяется иллюстративным циклам шести иллюминированных рукописей «Романа о Розе». Миниатюры иллюминированных манускриптов XIV–XVI века анализируется в тексте соответствующих разделов диссертации.

Положения диссертации, которые выносятся на защиту:

Появление аллегорико-дидактических сочинений на новоевропейских языках влекло за собой выработку нового литературного и научного дискурса, который позволил бы без существенного урона перелагать заимствования из латинского корпуса знаний, а в перспективе — и создавать научные трактаты. В XIII–начале XIV века автор дидактического сочинения, как правило, выступал в качестве переводчика и компилятора.

Возросшее внимание к интеллектуальному труду в этот период соотносится с особым позиционированием интеллектуала в обществе, с обостренным вниманием к теме врожденного и приобретенного благородства человека. Ученость и знание предстают в аллегорико-дидактических сочинениях необходимым атрибутом идеальной земной власти.

Для читателя, не располагавшего личным астрологом или придворным философом, сочинения, подобные «Книге источника всех наук», предлагали иллюзию самостоятельного взаимодействия с тайным знанием через составление гороскопов, постижение упрощенных основ физиогномики или использование рецептов лекарств. Даже в тех случаях, когда предлагаемые методы и рецепты были малоприменимы на практике, в рассматриваемых текстах часто подчеркивается практический характер знания, значительное место уделяется физиологии, гигиене.

Алхимия, астрология и астрономия, оптика рассматриваются как возможность постигать тайны природы и даже сравняться с ней. При этом естественнонаучные знания в аллегорико-дидактической существенно вульгаризуются, однако не утрачивают связь с актуальным научным контекстом своего времени.

Сочинения на новоевропейских языках становятся в XIII–XIV веках сателлитами университетской латиноязычной науки, донося до светских читателей элементы актуального для данного периода знания вкупе с рудиментами устаревших представлений и фантазиями своих авторов. Аллегорико-дидактическая литература заставляла круг своих читателей

задуматься о возможности познания мироустройства и в значительной степени способствовала популяризации знания, росту его общедоступности, тем самым подготавливая почву для коренных изменений в науке и обществе позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

I. Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. *Панфилов Ф. М.* «Книга источника всех наук»: вопрошающий государь и культурные векторы в прологе анонимной энциклопедии конца XIII в. Книга философа Сидрака, называемая книгой источника всех наук (пер со старофранц. яз.) // *Средние века. Вып. 71. № 3 – 4. 2010. С. 176 – 193.* Библиографическое описание: 1 п.л.

2. *Панфилов Ф. М.* Гильом де Лоррис, Жан де Мен. Роман о Розе / Пер. Н.В. Забабуровой, Д. Н. Вальяно. Ростов-на-Дону, 2001. 288 С. Гийом де Лоррис, Жан де Мён. Роман о Розе / Пер. и коммент. И. Б. Смирновой. М.: ГИС, 2007. 671 С. // *Средние века. Вып. 72. № 1 - 2. 2011. С. 430 – 434.* Библиографическое описание: 0,3 п.л.

II. Другие публикации:

1. *Панфилов Ф. М.* Легенда о Золотом веке в «Романе о Розе»: античное наследие и средневековая аллегорико-дидактическая литература на народных языках // «PerAspera». Сборник статей победителей конкурса научных студенческих работ исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и материалы научных конференций. Вып. 1. М., 2009. С. 165 – 177. Библиографическое описание: 0,7 п.л.

2. *Панфилов Ф. М.* Иоанн Пресвитер // *Православная Энциклопедия. М., 2010. Т. 24. С. 577-581.* Библиографическое описание: 0,8 п.л.